

На этом тему закрыли, но Вэй Сюнь долго не мог прийти в себя, глядя на мерцающее ночное небо в каком-то оцепенении.

Вскоре Вэй Яньми переоделась и вышла, старательно делая разминку. Тем временем трое аккомпаниаторов тоже торопились освоить ноты. Ассистент Вэй Чжана, Цинь Тан, работал надёжно — барабаны доставили быстро.

— Это тоска? — спросила Ваньшэн.

— Такова была задумка автора, но я чувствую в ней покой и надежду, — ответила Яньми.

Ваньшэн посмотрела на ноты, затем на полную юношеского задора младшую сестру и наконец улыбнулась:

— Поняла.

Итак, всё было готово. Вэй Сюнь и Вэй Ваньшэн очень серьёзно отнеслись к первому выступлению младшей сестры перед роднёй, сидели прямо, будто готовились к настоящему концерту. Вэй Чжань же был расслаблен и свободен: снял пиджак, расстегнул две пуговицы на белой рубашке, ослабил галстук, взял в зубы сигарету, половина лица скрывалась в тени — выглядел особенно статно.

Хотя они были одной семьёй, многие впервые видели Вэй Чжана в таком облике, и он производил сильное впечатление — совершенно иная манера, нежели обычно. Все перешёптывались, восхищаясь.

Яньми, стоя в центре, глубоко вдохнула и кивнула, давая знак, что готова.

Вэй Чжань кивком указал Вэй Сюню, тот нажал на клавиши, и полилась прекрасная, радостная мелодия.

«Последний день Баха» — балет, признанный самым прекрасным, где танец и музыка сливаются воедино. Пол, конечно, не был профессиональной сценой, но достаточно ровным, чтобы сойти. Яньми танцевала сосредоточенно и с полной отдачей, на лице её не сходила очаровательная, самозабвенная улыбка, стройные, покрытые изящными мышцами конечности вытягивались и вращались в такт. Когда она, подобно прекрасному и уверенному лебедю, встала на пуанты и выполнила прыжок с поворотом назад, все, независимо от понимания сути, были покорены.

Аккомпанемент тоже ничуть не подвёл. Вэй Сюнь сидел прямо, с душой исполняя свою партию, и в его обычно спокойном человеке, поглощённом делом, была особая притягательность. Бесчисленные взгляды устремлялись на него, и тот, что шёл со стороны барабанов, задержался недолго, но был самым жгучим, опаляя сердце Вэй Сюня.

Четвёрка идеально слаженно выступала, каждый был прекрасен по-своему, и постепенно все начали наслаждаться действием. Простое семейное развлечение превратилось в пир для глаз и ушей.

И те, кто был в центре, и те, кто аккомпанировал рядом, — каждый обладал чем-то, приковывающим взгляд, сверкающим, завораживающим душу.

Когда Яньми завершила последнее движение, склонив голову на руки и «уснув» на полу, все во дворе не смогли сдержать бурных эмоций, встали и разразились аплодисментами. Даже всегда

строгий дед кивнул в знак одобрения.

Яньми немного смутилась, принимая поданное полотенце и вытирая пот, скромно сказала:

— Вообще-то, много движений ещё не идеальны, надеюсь, в следующий раз будет лучше.

Зная, что у Яньми есть стремление к большему, старшие стали её подбадривать. И снова тот самый малыш с выпавшим зубом громко выкрикнул:

— Сестра Яньми, если станцуешь ещё лучше, тебя в этом мире не удержать!

Раздался взрыв весёлого смеха. Вэй Сюнь щипнул ребёнка за нос:

— Ну ты и мастер похвалы!

Позднее гости стали расходиться. Вэй Чжань каждого провожал, а когда большинство старших разъехалось, отправился с ассистентом в компанию.

Яньми задержалась подольше, и когда она вышла переодетой, Вэй Сюнь ждал её во внутреннем дворе.

— Ноги не болят?

— Всё нормально, ничего страшного.

Едва Яньми это произнесла, как ей протянули флакон с эфирным маслом-спреем:

— Кто-то просил передать тебе. Попробуй, посмотри, поможет.

Взяв флакон, Яньми переполняла благодарностью. Подарок был очень душевным и как раз кстати.

— Кто же это? — спросила она, и в голосе звучала неподдельная радость.

Вэй Сюнь подумал, что даритель, видимо, угадал с подарком. Человеку несведущему наверняка пришлось изрядно поломать голову при выборе. Но, пообещав сохранить секрет, он лишь загадочно улыбнулся:

— Пока тайна. Когда рассказать — решит он сам.

После тщетных попыток выведать правду девушке пришлось сдаться. Вообще, хоть она и была юна, у Яньми было немало поклонников, и подарков она получала множество. Но редкость ценится, и Вэй Сюнь не знал, вспомнит ли она об этом маленьком эпизоде, когда тот человек наконец наберётся смелости подойти. Хотя, возможно, это и не важно. Сегодня вечером, когда Яньми блистала в центре внимания, Вэй Сюнь краем глаза заметил взгляд того человека, следящий за ней, — полностью поглощённый, без всякой корысти.

Проводив Яньми, Вэй Сюнь поднял голову. На небе высоко висела луна. Он вспомнил разговор с тем дарителем: «Если и она обратит на меня внимание, я, конечно, буду вне себя от радости. Но если не повезёт — тоже ничего. Не каждому солдату выпадает честь быть замеченным принцессой».

Вэй Сюнь внимательно выслушал, но считал, что тому человеку не стоит чрезмерно заикливаться на происхождении и положении. Он и сам был достаточно хорош.

Останавливаться из-за неуверенности в себе — вот что действительно жаль.

Но раз тот человек принимал это как должное, Вэй Сюнь, конечно, не имел права судить.

Впрочем, они, кажется, были из одного поля ягода, просто причины их терзаний различались. Внезапно его осенило, и он, задумавшись, зашагал обратно в комнату. Как раз в этот момент сзади его нагнала Сяо Юй с коробкой еды, направляясь туда же.

Вэй Сюнь остановился её подождать. Девчушка и так устала за день, а тут всё ещё в хлопотах.

Он улыбнулся:

— Куда это несёшь?

Сяо Юй запыхалась от бега, щёки покраснелись, на лице — свойственная юным девчонкам застенчивость, милая и непосредственная.

— Как раз вам.

О? Выходит, тот, из-за кого хлопчут глубокой ночью, — он сам. Рядом оказался каменный столик, он присел. Сяо Юй открыла деревянную коробку и достала тарелку с лунными пряниками — домашнего приготовления.

— Господин Вэй сказал, что вы сегодня за ужином ни кусочка не съели, и специально велел мне принести.

— Мой старший брат?

Сяо Юй кивнула.

По обычаю, не съесть на Середину осени лунный пряник — к неудаче. Но Вэй Чжань был тем, кто никогда не придавал значения подобным поверьям. Так что же это теперь значило? Вэй Сюню стало крайне интересно.

Сладости он не особо жаловал, откусил пару раз и велел Сяо Юй унести. В любом случае, он уже отведал — даже если суеверие сработает, беда минует.

Глубокой ночью, умывшись, он устроился в плетёном кресле, изучая сценарий. В комнате по кругу играла «Продолжение мечты» — голос старого мужчины, густой, чувственный. Любимая песня, которую он слушал тысячи раз, и она не приедалась.

Раздался стук в дверь. Он заранее предполагал, что тот человек придёт, поэтому уже собрался с мыслями. Спокойно открыл. Но настроение гостя оказалось совершенно иным — тот резко захлопнул дверь, наклонился, прижал его к стене, взял за изящный подбородок, и грабительский поцелуй обрушился на него с неистовой силой.

Вэй Чжань раздвинул ворот его пижамы, склонился, стал лизать изящную ключицу, губы поползли вверх, задерживаясь на шее. Но этот человек был ужасен: едва Вэй Сюнь возбудился, как тот с лёгкой усмешкой выпрямился. Вэй Сюнь, прислонившись к стене, тяжело дышал и смотрел на него. Виновник не обратил на это внимания, нежно взял его кисть, разглядывая несколько вздувшихся от ожога волдырей, и взгляд его внезапно потемнел.

— Мазал чем-нибудь?

— Ещё нет.

— Дядя Бай говорил, тот суп был очень горячим.

— Не так уж и больно, сейчас уже лучше.

Услышав это, Вэй Чжань, кажется, вспыхнул. Повернулся, закинул ногу на ногу и уселся на диван, надолго замолчав. Вэй Сюнь в душе уже соображал, не подойти ли его успокоить, как тот вдруг поднялся и крупными шагами вышел.

С этим чёртовым характером он уже давно свыкся. Взял сценарий, продолжил учить текст. Как и ожидалось, спустя немного времени тот снова вошёл в комнату, на этот раз с тюбиком мази.

Прохладная, приятная. Глядя на того, взбешённого, он расплылся в улыбке до ушей — и получил щелчок по лбу. Он ответил тем же, ткнувшись лбом, как тараном. Вэй Чжань с лёгкой досадой взглянул на него:

— Веди себя прилично.

Сказав это, продолжил сосредоточенно наносить мазь.

— Когда уезжаешь? — прозвучал будто невзначай.

— Завтра вступаю в съёмочную группу.

Вэй Чжань неопределённо хмыкнул в ответ, взял его руку и принялся осторожно дуть на рану. Такая заботливость была просто убийственной. Если бы не уже нанесённая мазь, похоже, он бы её расцеловал.

Подержав руку в своих ещё некоторое время, наконец отпустил. Вэй Сюнь поднялся, чтобы найти ему чистую пижаму.

— Режиссёр кто?

— Сунь Юэ.

Текст продолжает линию отношений Вэй Сюня и Вэй Чжана, показывая их сложную, страстную и несколько болезненную связь. Сцена совместного музыкального выступления подчёркивает их скрытую близость и взаимное притяжение, выраженное через музыку и взгляды. Эпизод с подарком для Яньми раскрывает чуткость Вэй Сюня и его роль посредника в чужих чувствах, возможно, проводя параллель с его собственной ситуацией. Финал главы — напряжённо-интимная сцена, где забота Вэй Чжана сочетается с грубостью, что характерно для их динамики. Упоминание режиссёра Сунь Юэ намекает на профессиональную сферу главного героя и возможное развитие сюжета вне семьи.